

Кори Доктороу

ГИБЛОЕ ДЕЛО

FAN|ZON

МОСКВА

хроник
будущего

Cory Doctorow

THE LOST CAUSE

Кори Доктороу

ГИБЛОЕ ДЕЛО

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Д63

Cory Doctorow
THE LOST CAUSE

Copyright © 2023 by Cory Doctorow

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL,
INC., Armonk, New York, U.S.A.

Дизайн Елены Куликовой

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, наркотиков или любых других запрещенных веществ. По закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений является уголовным преступлением, кроме того, наркотики опасны для вашего здоровья.

Доктороу, Кори.

Д63 Гиблое дело / Кори Доктороу ; [перевод с английского Т. Чаматы]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Хроники будущего. Главные новинки зарубежной фантастики).

ISBN 978-5-04-217186-4

2036 год. Мир переживает климатический кризис. Океаны затопили прибрежные города. Догорают леса. А люди по-прежнему не могут найти общий язык. В море — миллиардеры-криптовалютчики на шикарных яхтах. На суше — старики-республиканцы, мечтающие вернуть прежние ценности. И молодежь, называющая себя первым поколением, которое не боится будущего.

Внук авторитетного политика Брукс живет в Бербанке, куда вот-вот нагрянут толпы беженцев. Он хочет помогать людям обрести новый дом, а его дед и прочие старики-разбойники, припрятавшие запрещенное теперь оружие, не готовы делиться с пришельцами.

Но огонь и вода не спрашивают о политической ориентации.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-217186-4

© Чамата Т., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается Дэвиду Грэберу,
чье наследие будет жить вечно.*

ПРОЛОГ

НА НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО В ШКОЛЕ Берроуз я согласился исключительно из желания перехитрить систему. Решил, что следить за солнечными батареями не придется, ведь работать они не будут. Солнца-то нет. Это же не *лунные* батареи.

Оказалось, я перехитрил сам себя.

Пейджер сработал в 1.58 ночи, издав звук, который я не слышал со времен вводных занятий: протяжный писк, от которого одновременно хочется в туалет и сжимается сфинктер. Пошарив в темноте по кровати, я нащупал телефон, включил свет, отыскал трусы, футболку, рабочие штаны, проморгался и долго тер глаза, пытаясь прийти в себя. Когда мне это все-таки удалось, я еще разок проверил, нормально ли я одет, при мне ли все самое необходимое и точно ли мне нужно идти разбираться с солнечной батареей в — ну-ка? — 2.07 ночи.

2.07!

«Да, Брукс, хитрости тебе не занимать».

Дом дедушки мало чем отличался от большинства домов Бербанка. Изначально в нем должно было быть две спальни и одна ванная, но потом его расширили за счет несуразной пристройки — опять же, как и большинство домов Бербанка, — и дополнительные спальня с ванной достались мне. Раздвижная дверь вела из пристройки сразу во двор, и я воспользовался ею, чтобы не разбудить дедушку.

На улице было тепло даже без куртки, что радовало, ведь я про нее забыл. Но ветерок все равно кусался прохладой, и я перешел на трусцу, чтобы разогнать кровь. Стояла тишина, нарушаемая только шелестом ветра в кронах высоких деревьев на улице Фэйрвью, далеким гудком товарного поезда и шумом машин, пронсящих по Вердуго. Я едва слышал их за звуком собственного дыхания. На углу Вердуго меня напугала лаем собаки, но я побежал дальше по хорошо освещенной улице, пустой и широкой.

Две минуты спустя я уже был у школы. Прошел через ворота, воспользовавшись ученическим приложением, свернул к боковому входу и вскоре уже взбирался по ступенькам хозяйственной лестницы. Приложение должно было оповестить меня только в случае возникновения ошибки, которую солнечная батарея не сможет определить программно, а техподдержка производителя — по показаниям камер и прочей телеметрии. Короче, примерно никогда. Уж точно не в два часа ночи. 2.17, если точнее. Интересно, что с ней случилось? Я открыл дверь и замер, услышав звон разбившегося стекла.

На крыше кто-то был. Я видел ее — тень, мелькнувшую в темноте. Слишком большая, чтобы оказаться енотом. Человек. На крыше был человек.

— Эй?

Дедушкины друзья иногда посмеивались над моим голосом. Слишком высокий. На первом году старшей школы я мечтал, что он станет ниже, но увы — до выпуска оставались считанные недели, а меня в голосовых чатах до сих пор принимали за девчонку. Я с этим смирился, но, видимо, не до конца, потому что мне совсем не понравился писк, который только что разнесся над крышей.

— Эй? — повторил я грубее. — Кто здесь?

Ответа не последовало, так что я вышел на крышу. Под ногами хрустнуло стекло. Было темно, что не изменилось, даже когда я хлопнул по выключателю рядом с дверью — все равно я уже выдал себя. Достав фонарик, я направил широкий луч под ноги. Ну да, конечно — все в осколках. Посветив на ближайшую

солнечную батарею, я обнаружил панели методично разбитыми вдребезги. Отступил к двери, и взметнувшийся луч фонаря упал на мужчину.

С головы до пят в маскхалате, которые друзья дедушки называли «кикиморами». Он держал в руках короткую кувалду, выкрашенную черной краской, от которой не отражался свет фонаря, и шел в мою сторону. Машинально я нажал кнопку экстренного вызова службы спасения, и камера на груди мягким женским голосом сообщила, что ведется видеосъемка. Я специально выбрал самый спокойный тон: обычно включал запись с камеры во время споров, и мирное предупреждение помогало не только соблюсти калифорнийские законы, но и остудить пыл.

Мужчина поднял кувалду, и я пожалел, что не выбрал полицейское предупреждение.

— Подождите, — сказал я, отступая к закрывшейся за мной двери. — Пожалуйста.

— Твою мать, — сказал мужчина. Пророкотал, как движок. Голос прозвучал искаженно — он либо использовал встроенный преобразователь маскхалата, либо отдельный. — Твою мать, да ты совсем ребенок. — Свободной рукой приподняв очки ночного видения, он уставился на меня. В прорези маскхалата блеснули голубые глаза, налитые кровью и окруженные сеткой морщин. Прищурившись, он махнул кувалдой. — Твою мать, — повторил он. — Кончай в глаза мне светить, бляха-муха!

— Простите, — пискнул я, опустив фонарик. Посветил во круг; панели были разбиты процентов на восемьдесят. Зачем извинился? Привычка. — Вашу мать, — раз ему можно, то и мне тоже, — вашу мать, вы что тут творите?

— Ты там видео пишешь, пацан?

— Да. Веду прямую трансляцию.

— Хорошо, тогда я все объясню. Просто стой на месте, и не страдаешь. Все равно я собирался снять видео, а ты сэкономишь мне время. — Он опустил кувалду, но не убрал. Я мог бы наброситься на него, но вояка из меня никакой, а кувалда никуда не делась. Даже если я попытаюсь сбежать, он успеет меня догнать. — Короче, слушай. Наш мир катится в пропасть.

Америка гниет изнутри. Сначала иммигранты. Я не расист, не подумай. Меня злят не сами иммигранты, а нелегалы. Хочешь приехать в Америку — так заходи через парадную дверь на условиях, которые любезно предлагают хозяева, а не лезь без очереди через окно. Так поступают только преступники. А когда преступники становятся гражданами, они начинают голосовать за таких же преступников.

Не надо делать вид, будто ты не понимаешь, о чем я. Все эти деньги, которые мы тратим? Этот «Зеленый Новый курс»? Гарантия трудоустройства? Сраные солнечные батареи? За все придется платить. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Сначала китайцы скормили нам весь этот бред про климатические изменения, потом заставили влезть в долги по уши, чтобы закупить у них кучу говна, а что дальше? Будут брать проценты и с нас, и с наших детей, и с их детей, и с детей их детей тоже. Будущее в ипотеку? Да какое будущее, мать вашу? Их ждет долговая кабала. На веки вечные. Как в библейские времена.

А вся эта муть о «создателях денег» и их «потребителях»? В этом мире есть два типа людей, и никакие это не «творцы» и не «потребители». Это те, кто дает, и те, кто берет. Первые отвечают за блага и богатство, а вторые — за выбор политиков, которые все конфискуют и *перераспределят*. — Последнее слово он выплюнул как ругательство.

Речи безумные, но знакомые. Я жил с дедушкой с восьми лет и наслушался их немало. Более того, я слышал конкретно эти слова. Кто их произносил? Все дедушкины друзья были похожи — одинаковые лица, одинаковые стрижки, одинаковые выцветшие красные кепки с призывами вернуть Америке былое величие. Но кто же это был? Я помнил его лицо, помнил голубые слезящиеся глаза, выглядывающие из прорези маск-халата.

Оставалось вспомнить имя. Марк. Нет. Майк. Майк! Майк, э...

— Майк Кеннеди?

От удивления он чуть не выронил кувалду, а потом прищурился. Я поднес фонарик к лицу.

— Это я. Брукс. Палаццо. Внук Ричарда.

В этот момент на Вердуго взвыла сирена, за которой последовал треск мегафона:

— ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ ПОЛИЦИЯ БЕРБАНКА!

Вот теперь Майк выронил кувалду, выругался и достал из кармана маскхалата водяной пистолет. Сняв перчатку, с невероятной осторожностью скосвырнул со ствола большой кусок то ли пластика, то ли воска. Его рука тряслась.

Я сразу понял, что это. Соляная кислота. Любимое оружие всех белых националистов. Очень удобное, потому что даже если жертва не умирала, то кожа сходила с нее оплавленной резиной, оставляя за собой шрамы в качестве напоминания, что пусть президент Увайни и отобрала пушки у граждан, американское сопротивление все еще вооружено и чертовски опасно. Дедушка с друзьями иногда шутили, что государство разорится на медицинское страхование, когда люди выйдут бунтовать с кислотой. Меня от этих шуток тошнило, но я быстро научился пропускать их мимо ушей. А теперь вспомнил. Отступил на шаг. Майк дернулся, и я вскрикнул, но кислота в меня так и не прилетела.

— Бляха-муха, пацан, не пугай меня. Не хочу тебе навредить.

— Я тоже не хочу, чтобы вы мне навредили. Мистер Кеннеди... Майк... Вы же друг дедушки. Он без меня не сможет. Он уже старый, не справляется сам. У него больше никого нет. — Из глаз текли слезы. Капля прозрачной жидкости, сорвавшись с дула пистолета, упала на крышу и зашипела. Я всхлипнул. — Пожалуйста, уберите пистолет, полиция уже здесь, давайте к ним спустимся...

— Никуда я не пойду. Слушай, пацан, выключай свою камеру. Хочу поговорить с глазу на глаз.

— Майк, умоляю... — практически прорыдал я. Он держал пистолет трясущейся рукой, не убирая палец с курка, и метил мне прямо в лицо.

— Просто выключи, ладно? — Он опустил пистолет, и я смог снова вздохнуть. Сделав вид, что выключаю камеру, я нажал на кнопку, проигрывающую звуковой файл, и голос сообщил, что видеосъемка приостановлена. — Короче, пацан. Скажу прямо. Я не рассчитываю пережить ночь. Я с самого

начала знал, что вероятность не нулевая, а твой приход окончательно все предрешил. Я давно с этим смирился. — Он втянул в себя воздух. Преобразователь голоса искажил звук, превратив его в шум аэродинамической трубы. Он стянул с себя маску халата, открывая лицо. Его губы и подбородок блестели от пота под лучом фонаря, прыгающим по крыше. — Черт, врать не буду, умирать из-за такой ерунды глупо, но рано или поздно это должно было произойти. Но у тебя еще есть шанс. Ты можешь уйти. Можешь продолжить борьбу. — Его голос хрипел от эмоций.

Я думал, что при виде его настоящего лица станет легче, но стало только страшней. Обычно дедушкины друзья были просто... угрюмыми. Но была в них доля жестокости, натянутая струна, которая иногда лопалась. Обычно все сводилось к крикам, швырянию вещей и хлопанью дверью так, что весь дом содрогался. Но время от времени споры переходили в драки, и всем приходилось растаскивать машущих кулаками мужчин. Пару раз дело доходило до крови.

Сам я ни разу не дрался — разве что в начальной школе. Просто не умел. Представить не мог, каково это — ударить человека. Зато легко представлял, как Майк может ударить меня.

— Майк, никто не заставляет вас умирать, давайте поговорим с копами. Это же полиция Бербанка, не Лос-Анджелеса. С ними можно договориться. Никто не застрелит вас без причины. Просто опустите...

Вдруг крышу залил ослепительный свет, и над нами с ревом поднялся квадрокоптер — полицейский беспилотник с выкрученными на максимум прожекторами. Порыв воздуха разметал волосы, и мы одновременно попятились, щурясь. Непроизвольно Майк выпустил небольшую струю кислоты, которая растеклась по крыше, но взял себя в руки.

— ГОВОРИТ ПОЛИЦИЯ БЕРБАНКА! НЕМЕДЛЕННО ОПУСТИТЕ ОРУЖИЕ И ПОДНИМИТЕ РУКИ НАД ГОЛОВОЙ!

Грязно выругавшись, он направил пистолет на дрон.

— Не надо! — крикнул я. — Господи, Майк, вы сдохнуть хотите?!

Он уставился на меня диким, безумным взглядом. Беззвучно захлопал ртом, а потом выкрикнул:

— А тебе-то какая разница?!

— Да просто... — «Я хочу помочь вашему делу, а без вас мы не справимся» так и осталось невысказанным. Он бы купился на ложь, пусть я в нее и не верю. И плевать, что он чокнутый террорист с одновременно идиотской и ужасной целью. Он бы купился, потому что я хороший актер даже по стандартам Бербанка, где в школьных спектаклях могут выступать кинозвезды. Но я промолчал. Не хотел врать ему. — Потому что в мире хватает глупых смертей, а я не хочу объяснять дедушке, почему стоял и смотрел, как его друг по покеру умирает под полицейскими пулями на крыше моей школы. Потому что это идиотская смерть. Потому что вы так ни хрена не добьетесь.

Я осознал, что разозлился. Господи, ну почему люди такие тупые? Почему я торчу с этим идиотом и веду этот идиотский спор, пока копы бегут потенциально убивать нас обоих?

— В жопу, — сказал я и решительно направился к Майку. Дрон снизился, он дернулся, и я схватил его дурацкий пистолет с кислотой, вырвал из дрожащей руки и отбросил на разбитые солнечные панели. — Вот, — сказал я, обернувшись к дрону. — Я обезвредил этого идиота. Не стреляйте в него. И в меня не стреляйте, я тут случайно.

Громкоговоритель дрона щелкнул.

— Не самое умное решение с твоей стороны, парень.

Майк смотрел на меня так, словно хотел разрыдаться или ударить.

— Да тут сама ситуация идиотская, — сказал я. — Но насилие применять не обязательно.

— Мы поднимаемся. Руки за голову.

Майк раскрыл рот.

— Делай, что говорят, — рявкнул я. — Я тебе жизнь только что спас, придурок.

Через минуту полиция ворвались на крышу, и мы завели руки за голову. На нас надели наручники и обыскали, изъяв у Майка длинный охотничий нож и две светошумовые гранаты.

Посоветовавшись, полицейские сняли с меня наручники и увели подальше от несчастного перепуганного Майка, стоящего в стороне.

В машине они взяли у меня показания, просканировали мое удостоверение, посоветовались еще, прочитали какие-то сообщения — у всех полицейских были поляризованные экраны, так что я ничего не увидел, — и наконец отпустили.

Открывший мне дверь полицейский был крупным, грузным мужчиной, который бы отлично вписался в компанию дедушкиных друзей, расхаживающих в красных кепках и жалующихся на «нелегалов». Но он был ласков со мной, помог подняться и дважды спросил, не нужно ли меня проводить. Я ответил, что живу в десяти минутах ходьбы отсюда — он, разумеется, и так это вычитал в документах — и что со мной все в порядке.

Изначально на вызов приехало шесть полицейских внедорожников, но к тому моменту, как меня отпустили, их осталось два. Во втором за светоотражающими стеклами сидел Майк. Я не видел его, но чувствовал, как он провожает меня взглядом. На часах было 3.27, и, несмотря на эмоциональную встряску, сил просто не оставалось.

Вернувшись домой через черный вход, я разделся и натянул на себя одеяло.

А смысл? Все равно после такого я бы ни за что не уснул. Перевернувшись, я коснулся экрана. Прочитал уведомление о том, что моя трансляция была заархивирована и что я могу отключить общий доступ, но тогда полиция попросит предоставить им доступ отдельно, ведь я использовал опцию вызова службы спасения.

Я пересмотрел запись. Она была, конечно, безумной — луч фонарика прыгал в темноте, ночной режим камеры то и дело сбивался, но звук был хорошим, и когда изображение устаканилось, оно тоже стало достаточно четким. Включив тройную скорость, я послушал, как Майк Кеннеди писклявым голоском изрекает бредни по воскрешению Америки. Даже на такой скорости удавалось уловить мелочи, которые я упустил изначально, всякие фразы и логические ударения, а главное — то, насколько